

2207

Беседа с известным итальянским писателем Альберто Моравиа

И все-таки — оптимист

— Вот что я хочу сказать прежде всего: сейчас, и я в этом глубоко убежден, нам всем нужно объединиться против атомной бомбы. Что стоят наши книги, слова, каждодневные дела, если мы просто не в состоянии более ощущать себя ни писателями, ни итальянцами, ни вообще кем бы то ни было: мы лишь те люди, которые могут в один момент исчезнуть с лица великой Земли человеческой. Да, в мгновение все может превратиться в черный обугленный камень, судьба которого — вечно вращаться в пустоте космоса. В мертвый и бесполезный камень, на котором останутся лишь стертые отпечатки веков — столбик цивилизаций, столбик культур, столбик народов. И это от одной вспышки гигантского пламени... Нам всем нужно объединиться против этой бомбы!..

Так началась наша беседа с известным итальянским писателем Альберто Моравиа.

...Моя встреча с ним произошла в Палермо, куда писатель приехал получать одну из престижных в Италии премий «Монделло», которой отмечен его роман «1934». На протяжении последнего десятилетия я не раз видел Моравиа. Вот и теперь поразила: годы, кажется, не касаются его, летят мимо, и даже тяжелая автомобильная катастрофа из которой он лишь чудом вышел живым, не изменила его.

— Маэстро, в детстве у каждого из нас бывают моменты, события, которые, как выясняется позже, стали в определенном смысле переломными...

— Болезнь. Таким переломом во всей моей жизни стала очень тяжелая болезнь, которая длилась все отрочество и юность. А до этого, до 9 лет, я покоился в унылом благополучии буржуазной семьи, благополучии, у которого тем не менее было и одно весьма важное преимущество: уже в самом раннем детстве я прекрасно читал по-французски и по-английски. И как раз в девять лет открыл для себя «Преступление и наказание». Долгие годы потом меня мучила мысль, что Достоевским сказано все, что писать после него бессмысленно. Я читал много, практически по книге в день. И тогда-то сделал свой главный выбор — стать писателем. Не забудьте — это было время фашизма, который я не принимал. Я видел этот режим предельно убогим, лицемерным, скучным, жестоким. Так вот: болезнь и фашизм заставили меня испытать и сделать то, что было бы невозможно ни при каких других обстоятельствах. Ведь наш характер формируется не под влиянием того, что мы делаем по собственному желанию. Фундамент его в том, что мы вынуждены делать...

— Для вас таким вынужденным действием стала работа над романом «Равнодушные»?

— Да, можно сказать так. Я писал эту книгу два года и, когда отнес к издателю, тут же услышал массу похвал и обещания немедленно опубликовать ее. Правда, при этом выяснилось, что расходы по изданию я должен взять на себя. Обратился к отцу. Он дал мне в долг, и роман вышел в свет. 1000 экземпляров. Всего лишь тысяча экземпляров, но они тут же оказались распроданы, и я даже вернул долг отцу. Это был успех...

Роман «Равнодушные» ныне переведен и на русский язык, и читатель может легко понять, почему эта книга в 1929 году вызвала откровенно ожесточен-

ную реакцию со стороны официальной фашистской критики. Моравиа говорит, что он совсем не думал о политике, когда создавал роман, но в книге была правда, которая — хотел того писатель или не хотел — оказалась остро направленной против ханжества режима Муссолини.

— Тогда меня прямо обвиняли в безнравственности, в порочности, а я был всего лишь моралистом. Каковым остаюсь и по сегодняшней день.

— Что вы считаете главным в искусстве, в частности в творчестве писателя?

— Искусство вообще — это бесконечные поиски абсолюта, а значит, поиски, ограниченные самой относительностью существования. В этих поисках я неизменно стремлюсь создать новый тип восприятия действительности. Для начала работы мне необходимо личный эмоциональный толчок: от этого внешнего фактора я иду к внутреннему миру моих героев.

— Но, вероятно, на каком-то этапе вы все же как-то планируете свое произведение?

— Этот термин мне не нравится. Конечно, человек всегда не только чувствует, но и мыслит. И в этом смысле я постоянно проектирую свою мысль в сферу чувств и ощущений моих героев.

— В этой связи возникает вопрос о значении вашего собственного опыта, вашей биографии...

— Все мои книги очень автобиографичны, но вот в каком смысле. Я всегда иду в своей душе то, что оставило там глубокий след, поразило воображение. Если что-то происшедшее забылось, начисто ушло, значит, оно было бессмысленно и бесполезно. Иными словами, я всегда присутствую среди своих героев, но в виде четко очерченной тени, которая в отличие от тени чисто физической обладает способностью мыслить. С годами эта мысль становится, конечно, более разумной, более сложившейся и обдуманной. Один лишь пример: герой моего последнего романа «1934» — Лу-

ча. Поначалу он должен был быть лишь одним из интеллектуалов, которые нередко бывали героями моих романов. Но в процессе работы я вдруг поймал себя на мысли о том, что впервые пишу свой собственный портрет, в том смысле, что рассказываю о жизни, которая с огромной степенью вероятности была моей собственной. Я говорю о вероятности, потому что и персонажи, и интрига выдуманы мной, но отнюдь не выдуманы те многообразные и многоплановые чувства, которые я испытал во время работы. И все же это не планировалось, это пришло само собой.

— Как вы относитесь к политике?

— Политика художника — это прежде всего политика гражданина. Гражданин, если это необходимо, обязан брать за ружье. Таким ружьем для писателя являются его книги. Но при всем при этом — не хочу здесь двусмысленностей — я категорически против того, что Сартр в свое время назвал «ангажированностью».

— Какие из ваших произведений в этом смысле наиболее весомы?

— Мне трудно судить об этом, потому что не люблю свои книги. Я люблю чужие книги. Ведь и так ты целый день находишься с самим собой. Единственный человек, от которого невозможно избавиться, это ты сам...

— Вы пишете все время?

— Умственно, возможно, да. Но физически я всегда работаю в одном и том же темпе — каждое утро по четыре часа в день. Никогда не писал после обеда, никогда ночью. Может показаться — несколько бюрократический подход. На деле же все обстоит много сложнее. Я бы сказал так: за долгие годы жизни мне удалось внедрить в свой биологический ритм эту работу писателя. Иными словами, я писал, потому что это доставляло мне удовольствие. Может показаться, что это — мелочь, на самом же деле — это как раз и есть главное.

— В свое время — после похищения и убийства Альдо Моро — вы много писали и выступали на эту тему. Каково ваше мнение об этом «деле» сейчас, по прошествии пяти лет?

— Оно не изменилось. Я убежден, что истоки трагедии Моро следует искать прежде всего в том общественном климате, который навязан стране вследствие утверждения христианско-демократической партии всепроникающего режима своей власти. Я хочу подчеркнуть это: ХДП лишь поначалу была партией, теперь это режим власти, при котором реальные возможности оппозиции сведены к нулю. В этих условиях было закономерно появление на свет новых — очень мрачных — сил, которые решили, что перемены возможны лишь при помощи террора. Лозунг «ни дня без ружья» мог появиться на свет только в этой ситуации. Меня просто потрясает и ужасает коррупция и звериная жестокость, которые стали неотъемлемой характеристикой определенных кругов в нашей стране. Коррупция пронизывает самые верхушки элиты, стоящей у власти. Жестокость проявляют политические и иные группировки, ставящие себя вне закона, — от террористов до мафии. Для меня этот террор особенно страшен. Я всегда выступал и выступаю против всякого насилия. Я — пацифист. Это мое главное моральное и гражданское кредо.

— Но что же тогда дает вам моральные силы жить, творить?

— Мой человеческий разум. Вера в мой народ. Я все-таки оптимист. Я убежден, что итальянский народ, который многое дал миру в прошлом, способен на большие дела.

— В ваших произведениях почти всегда присутствует молодость. Какой бы вы хотели видеть ее?

— Молодой. Свежей. Я хочу видеть молодых людей, полных горячего и страстного желания познавать...

Беседу вел
А. ВЕСЕЛИЦКИЙ.
Палермо — Москва.